

Елена Николаева-Цыганкова

ГОРОДСКИЕ СКАЗКИ

Сказочные истории и рассказы

Елена Николаева-Цыганкова

**Городские сказки. Сказочные
истории и рассказы**

«Издательские решения»

Николаева-Цыганкова Е.

Городские сказки. Сказочные истории и рассказы / Е. Николаева-Цыганкова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856986-9

Если вы любите чудеса, то эта книга для вас. Если вы не верите в сказки и волшебство, то вам непременно надо прочитать эту книгу. Вполне возможно, что она поможет вам по-другому взглянуть на жизнь! Читайте с удовольствием!

ISBN 978-5-44-856986-9

© Николаева-Цыганкова Е.

© Издательские решения

Содержание

Поход	6
Флейтист	11
Музей	14
Павел	19
Небо	26
Живая сказка	28
Карусель	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Городские сказки Сказочные истории и рассказы

Елена Николаева-Цыганкова

Иллюстратор Елена Николаева-Цыганкова

© Елена Николаева-Цыганкова, 2017

© Елена Николаева-Цыганкова, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-6986-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Поход

Точно не скажу, что же заставило меня отправиться в поход одному. Но какие-какие воспоминания остались. Попробую их восстановить, хотя бы частично.

Знаете, как бывает, живешь себе, живешь, ходишь на работу, говоришь с сослуживцами, обедаешь, читаешь книги, встречаешься с друзьями и подругами, ходишь на спектакли, в кафе, на веселые и праздничные фестивали, разные выставки, музеи всевозможные. И все не то, не то. Все говорят и говорят, стараясь переговорить друг друга, перещеголять в знаниях и эрудиции.

В этом шуме разговоров, выставок, кафе и магазинов, нет ни одного момента побыть с самим собой наедине, в тишине, в уединении.

Чувство неуловимой не то чтобы тревоги, а чего-то такого, похожего на «камешек в ботинке», который никому не виден, но идти мешает. Мешает, и не дает понять красоту мира, красоту жизни. Идешь, а камешек трет и колет. И ты уже не видишь ничего вокруг. Потому что жизнь свелась к одному ощущению мешающего камешка, от которого уже набилась кровавая рана. И остается только боль, одна боль.

Вот и у меня было ощущение такое чего-то такого, что мешало мне понять, зачем вся эта суeta, создаваемая жизнью с моим участием.

Соседка моя со второго этажа, Катя, была всегда в хорошем настроении. Когда бы я её ни встречал, она совершенно искренне улыбалась и желала мне хорошего и радостного дня или вечера. Или баба Мила с первого этажа, напевала неведомую мне песню, шла ли она из магазина, или мы случайно сталкивались с ней на лестнице.

Что, что же такое им ведомо, что же заставляет их улыбаться и радоваться, думал я, и, придумывая на ходу себе их ответы, не находил в них правды или той самой истинной причины их веселого состояния. Надо было бы спросить их об этом прямо, но мне мешала то ли гордость моя, то ли тупость моя.

И вот в один из одинаковой череды дней, которые были похожи один на другой, как близнецы, я все же не выдержал. И снял тот самый пресловутый ботинок, чтобы вытряхнуть мешавший мне понять радость жизни, камешек. Ну это я образно так говорю, конечно, вы же понимаете.

Уволился я с работы в один день, все равно мне там было все так ясно и понятно, что ничего грандиозного я там не создам, а просто буду очередной белкой, которая крутит и крутит это колесо.

А на следующее утро я уже сидел в электричке, которая увозила меня подальше от города.

На конечной железнодорожной станции, куда отвез меня поезд, я нашел автобусный вокзал, занял место в первом автобусе, который остановился возле меня, и продолжил путешествие. Где-то через полчаса, поняв, что жилых мест в этих краях не так много и они не многонаселённые, я попросил водителя остановить автобус, водитель удивленно спросил: «Прям здесь что ли приспичило?» Я молча кивнул, и автобус тихо припарковался на обочине. Я, окинув напоследок пассажиров прощальным и грустным взглядом, покинул автобус.

Фыркнув, автобус обдал меня черным угаром, и укатил дальше по грунтовой дороге. Я сошел на обочину. День только начинался. Солнце не пекло еще, но, помня, что пить непременно захочется, а запас воды у меня был не велик, я пошел через поле по направлению к оврагу, который, как я надеялся, в глубине своей был полон живительной влагой. Да и стоянку для лагеря искать лучше у воды, это я знал еще со школьного возраста.

Я не ошибся, когда выбирал направление. Овраг, местами окаймленный кустарником, местами оголенный, нёс в себе воды неведомой мне речушки. Найдя не столь заметный со стороны открытого пространства сход к воде, я спустился к тихой речке. Берег вдоль реки был

столь ровен, будто ждал встречи с туристом, который почти никогда не бывал в лесу. Мне и делать ничего не оставалось, как установить на ровном берегу палатку, и принести камни, чтобы сложить очаг.

На что я рассчитывал? Сам не знаю. Действия мои на тот момент логике, скорее всего, не подчинялись. Я устанавливал себе жилье так, будто собирался здесь остановиться не на один или максимум пару дней, а будто выбираю себе жилище на всю оставшуюся жизнь. Я оглядывал берег свой, посматривая на противоположный, но противоположный берег был так крут, что опасности с той стороны не стоило ждать. А по краям овражистой реки у места, где я остановился, кругом плотно росли кусты ивы, ольхи и густая поросль молодой рябины, создавая уютность и обособленность походного лагеря.

Похоже, что река специально для меня приберегла этот укромный уголок для раздумий. Он будто создан был для таких, как я, неугомонных искателей, которым мешал «камешек в ботинке».

И здесь я впервые ощутил радость, ту самую неподдельную, детскую. Радость от обнаружения мной очень живописного и совершенно незаметного постороннему глазу места.

Ага, так вот как возникает это чувство, чувство, что тебя ждали и приберегли для тебя сокровенное, – радовался я.

Но надо было заняться сбором дров, заготовкой лапника под палатку, ну и обследовать местность тоже было не лишним. Радость горячая и жгучая понемногу улеглась, но чувство тепла осталось.

Захотелось перед вылазкой попить кофе. Решил, что есть перед исследованием территории не стоит, зачерпнув из реки котелком чистой родниковой воды, вскипятил её, заварил ароматного кофе. С великим удовольствием выпил обжигающий напиток, обдумывая свои дальнейшие действия. И потом, не теряя зря времени, отправился на разведку.

Прошелся по берегу овражного ручья с километр в одну сторону, а затем, вернувшись к месту стоянки, прошел столько же в противоположном направлении. Овраг петлял, а вместе с ним и река, местами широкая, местами узкая, струилась, блистая на открытых местах солнечными бликами, радуя глаз своим отражением.

Птицы пели свои удивительные песни на разные голоса, белки, прыгая с ветки на ветку, с дерева на дерево, резвились в кронах сосен, стройных, как мачты парусника. Где-то вдали мерно стучал дятел. Тишина, но не мертвая, а говорящая языком природы, сопутствовала мне, пробуждая во мне неведомые раньше думы и чувства.

В таком состоянии, в раздумье-ошеломленности, я вернулся к палатке. Мысли, тянущие меня обратно в рутину города и моей суетливой и никчемной жизни, потихоньку ушли, осталось лишь чувство умиротворения. И несказанное чувство единения с рекой, лесом, кустарником и всей лесной живностью. Чашка за чашкой, кипятя один котелок за другим, я пил кофе. Кофе помогал мне сохранить внутри какой-то особый мир радости, пытающийся проникнуть в меня с помощью окружающего меня царства тишины и лесного благополучия.

Сколько времени я так просидел не помню, но день начал синеть, и постепенно солнце скрылось за деревьями, оставив лишь верхушки самых высоких деревьев золотыми и сияющими.

Я был сражен красотой природы в первый же день. Я не понимал, зачем я жил так, как жил. Что мешало мне видеть закаты, что мешало слушать мне пение птиц лесных, что мешало мне видеть бегущие, но в то же время спокойные ручьи. Спокойные в своем вечном, но не суетливом беге.

Сидел думал, а может, стоит перебраться в лес, а может, остаться здесь насовсем, поставить здесь избушку. Не хотелось думать, правда, о пище, которую все равно надо было как-то добывать, не хотелось думать об одежде, и ведь она тоже будет нужна, пусть не сейчас, пусть позже, но нужна ведь.

И, так и не определившись в своем выборе, с тем же «камешком в ботинке», забравшись в спальный мешок, я утомился. Уснул, как младенец. Спал без сновидений. Проснувшись, бодро умылся ледяной речной водой. И, выпив волшебного кофейного напитка, отправился искать брод. Хотелось исследовать и противоположный берег овражистой реки.

Наевшись вдоволь малины и черники, коей были полны лесные владения, ближе к вечеру вернулся я в свой лагерь. И название ему я придумал, пока бродил по лесу. Решил его назвать «Сияющая Звезда». Что меня заставило выбрать такое название, не скажу точно. Но, думается мне, что весь лес согласен был с моим решением, потому что, когда я принял решение о таком названии, дятел, который пронесся мимо меня в тот момент, истоково прокричал, его голос я и принял как подтверждение правильного названия.

Повеселевший, я возвращался в «Сияющую Звезду». День заканчивался. Вечер надвигался стремительно.

Спустившись к стоянке, я обнаружил около очага, который еле дымился, деда.

– Здравствуйте, – поздоровался он, увидев меня, – простите, что без вас немного похозяичничал здесь, но мне нужна была чистейшая кипяченая вода, промыть рану вот этому зверьку, и напоить его отваром лечебной травы. Повернувшись в сторону палатки, он указал на открытый полог полотняного жилища, внутри которого лежало лесное существо, не виданное мною ранее.

– Это речная выдра, – продолжил дед, – бедолагу придавило упавшим деревом, и сучок дерева причинил ему боль и нанес рану. Я лишь помог зверьку. Ведь кто-то же должен им помогать. Ведь в лесу нет докторов.

– И вам доброго вечера, дедушка, – ответил я. – Согласен с вами полностью, братьям нашим меньшим тоже бывает нужна помощь, рад, что лагерь «Сияющая звезда» и без моего участия помог вам и раненому зверю.

Ну что ж мы стоим, – сказал я, – приглашаю разделить со мной вечернюю трапезу.

Дед согласился молча, во всяком случае, он ничего не сказал против угощения.

И я занялся приготовлением нехитрого ужина. Когда все было готово, мы с дедом уселись у огня и с наслаждением съели по полной миске превосходной овсяной каши, которая принесла не только насыщение, но и удовольствие, которое неслышно добавил туда лес, огонь костра и неслышный бег реки.

Выпив чая, мы с дедом разговорились. Мне было интересно, кто он и откуда.

О себе поведал ему, что меня толкнуло на этот первый в сознательной жизни поход, да не обычный поход, а поход, который поможет, возможно, разрешить мою «боль». «Нюющую боль», не дающую мне понять жизнь.

– Нда, сынок, рад все же я, что тебя подтолкнула твоя, как ты говоришь, «Боль», к поискам себя в лесу. Да не простом лесу, а говорящем с тобой.

О себе, что же рассказать-то? Обычный с виду дед, но тебе может показаться, что и не совсем обычный. И здесь ты окажешься прав.

Я лесной дед. Лес мой дом, лес моя жизнь, лес моя радость и одновременно моя печаль. Все содержит он в себе, и меня тоже.

Сколько помню себя, столько и лес этот помню. Годков мене почитай уже за тысячу переваляло. А потом я и считать перестал. Что их считать? В годах ли дело? Сколько дадено мне времени служить миру лесному, столько и буду.

Я удивился такой откровенности деда.

– Скажи мне, дед, со многими ли ты говоришь о себе, со многими ли беседуешь во так, по-простому? Не боясь быть осмеянным за то, что возраст твой выходит за рамки обычной человеческой жизни, да за мысли твои лесные, твою жизнь лесную.

– Спасибо тебе за вопрос, мил человек, рад, что осмелился спросить. Но не всем я показываюсь, не все меня видят. Редкий человек приходит в лес за ответами своими, со своими «больными» вопросами.

Почитай уж лет триста не хаживал сюда человек вроде тебя. Чтобы вот так как ты мучился, и пытался вынуть, как ты называешь, «камешек из ботинка».

Бывает, конечно, многие бродят по лесу нашему, бродят, но вопросов не задают, а если и задают, то вопросы все никчемные, всё о себе, да о себе. «Сколько мне лет, ответь, кукушка, жить осталось, али – дай, лес, мне грибов побольше, али – ягод спелых». Хоть и в этом им отказа нет, а вот вопросов, как твои, не задают. Потому и незачем мне показываться, да знакомиться близко. Ну если заблудшему дорогу показать надобно, то тут уж другое дело, помогу. Да и здесь бывает, что не все слушают мои подсказки.

– Скажи мне, дед, пожалуйста, что же поможет мне понять, как стоит жить, что я должен сделать на земле этой, зачем суета эта с жизнью человека случается, – спросил я горячо.

– Ну, мил мой, сразу вот ты хочешь получить все ответы, но, к сожалению, или к радости, это уж тебе решать, все дается с трудом. Без труда, без радости добывания, не бывает ни одной победы. Без боли, испытанной человеком за время его жизни, не поймет он ничего. Хоть я тебе и скажу сейчас всё, что знаю, не поймешь ты пока ничего.

В книгах ваших человеческих, бесчисленных, надо заметить, есть все ответы на заданные тобой только что вопросы. Читал ли ты книги эти? Думал ли, кто и зачем их писал?

– Да, дед, много я читал, много и даже очень. – ответил я. – Но не нашел пока ответа.

– Так ты книги сердцем читай, мил человек, сердцем, а не глазами. По-другому ты никогда не найдешь ключ к самым великим откровениям. А так что ж, скользнут мысли по сознанию твоему, скользнут, да следа никакого не оставят.

Но если есть в тебе предубеждения разные, да суеверия, которыми полон род человеческий, то не сможешь ты увидеть ключа этого волшебного.

А если чисто твое сознание, да сердце твое горячо, то книги, читаемые тобой, будут неисчерпаемым источником откровений. Именно они принесут в твое сердце новые для тебя знания, которые растворят твои «камешки» без остатка. И засияет в тебе «Сияющая звезда», так уже можно будет назвать твое новое сердце. Сердце, которое сможет вместить в себя и лес этот, и меня – старого лесного деда, и весь необъятный мир.

Ты уже знаешь, наверное, ведь учился ты многому, что теория без практики мертва. И если ты так и оставишь свои новые мысли, почерпнутые тобой из кладезя мудрости, только далекой и исчезающей дымкой, а не претворишь их в действие, то не будет цены твоим мыслям, они будут лишь пустоцветом.

Потому и говорю тебе – ищи, не унывай никогда, найдешь ты всё! И решатся твои вопросы, растворившись в ответах знаний. Верь в силу жизни и силу радости жизни! И никогда, сколько бы ни было тебе годов, не переставай узнавать. Нет предела для знаний человеческих. Верь всегда своему сердцу, лишь оно то самое мерило истинности знаний, найденных тобой в книгах. Верь и ищи!

Голос его, такой сильный и призывный, заставляющий поверить в реальность всего происходящего, голос, зовущий в жизнь, новую, ослепительно сияющую жизнь, становился всё тише и тише. И, к большому моему сожалению, я уснул, не дослушав деда.

Открыл глаза я лишь на рассвете нового дня. Костер давно потух. Деда не было. Выдра, которая находилась под пологом жилища, тоже исчезла. Долго я сидел будто в плену вчерашнего вечера и долгих бесед с дедом лесным. Но солнце появилось над лесом, и оповестило о наступлении нового дня. Нового! Абсолютно нового для меня.

Этот поход и лесной дед помогли открыть мне глаза на жизнь. Новую! Прекрасную, и удивительную! Жизнь, которая не перестает радовать меня и по сей день!

И вам, милые мои читатели, которым, возможно, удастся попасть в леса говорящие, желаю найти свой путь, и ответы на свои «больные» вопросы. И, конечно же, каждому желаю найти свою «Сияющую звезду»!

Флейтист

Я встретил этого старика в тот день, когда находился на грани краха жизни.

Он сидел в переходе и, как тысячи безвестных бродячих артистов, играл на флейте.

Но нет, он не просто играл на ней, он пел на ней такую песнь, какие под стать лишь виртуозам.

Люди, как и обычно, спешили по неотложным делам жизни. И не останавливался этот поток ни на минуту.

Лишь я, будто передо мной открылись двери великолепного дворца, остановился, пораженный красотой и величием звуков флейты.

Я перестал существовать в тот момент. Пропали все дела, исчезли тревоги и страхи, ушла боль об отсутствии дома, работы, хлеба насущного.

Тогда, в тот вечер, я поднялся вслед за звучанием так высоко, что видел переливы света, как саму музыку, как живое и трепещущее царство нежности и любви.

Я не был музыкантом, и не был меломаном, но то, что удалось сделать этому старику-флейтисту, навсегда изменило мою жизнь.

Но будет лучше, если я расскажу обо всем по порядку.

Увидев старика и заслушавшись тогда божественными звуками, я простоял весь день и весь вечер рядом с флейтистом.

Прохожие сначала обтекали меня, будто камень в ручье обтекает вода, потом пытались оттеснить меня с середины прохода, и затем уже бесцеремонно толкали локтями, сумками, рюкзаками, тележками. Ругались на препятствие, которое затрудняло движение. Но для меня не существовало тогда ничего, кроме красоты видений, которые вызвали во мне мелодии старика-флейтиста. Я не ощущал ни толчков, ни пинков. Меня не было на земле.

Я парил на таких недостижимых высотах, от каких дух захватывает.

И вот наступило затишье. Изредка еще появлялись редкие прохожие, но и они исчезли со временем.

Старик убрал свой инструмент в футляр и, видя, что я, как зачарованный странник, нехотя возвращаясь на землю, обратился ко мне:

– Похоже, мой друг, вам со мной по пути.

Я удивился тому, что я умею говорить. Потому что в тех краях, где я обитал всё это время, время флейтиста, слова не являлись необходимостью. Там было другое, не требующее голоса человека.

– Да-да, – пробормотал я, приходя в себя. – Мне с вами по пути.

С удивлением вспомнил, что мне сегодня действительно негде ночевать, и у меня нет с сегодняшнего дня ни крова, ни стола. Об этом я и сказал старику.

– Разберемся, – коротко ответил он.

И мы тронулись в сторону вокзала.

Доехав почти глубокой ночью в полупустом вагоне до конечной станции, мы вышли на пустой перрон.

– Нам направо, – махнул старик рукой, показывая направление.

Неказистый домик был скрыт почти полностью в густых и цветущих кустах сирени. Достав ключ, он отпер дверь. На нас пахнуло пылью времен и тайной, которая скрывалась в недрах дома.

Уютно расположившись на небольшой кухоньке, наскоро поев, мы разговорились.

Рассказал старик, что в прошлом он писатель, который потерял всё в свое время, но потом приобрел больше, чем всё.

Сказал, что когда-то и он вот так же, как и я сегодня, был сражен игрой флейтиста в тот день, когда, как он считал, жизнь отвернулась от него, отвергла его и его талант.

Заслушавшись игрой флейтиста, он простоял очарованный с ним до ночи, пока тот не закончил играть. Флейтист, убрав инструмент в футляр, отдал ему свою флейту, увидев в бывшем писателе человека, которому она откроет мир, которому она сможет помочь увидеть мир таким, каким его задумал Творец. И добавил: «Я уйду сегодня, мне пора, держи эту волшебную флейту, она сможет показать тебе мелодии жизни в высоте, которые родом из страны волшебных звуков и света».

С тех пор играю на флейте, и ведь представь себе, что я никогда до того вечера не держал в руках ни одного музыкального инструмента, я играю и узнаю, и узнаю новое, неведомое мне ранее. Я снова узнаю и радуюсь, как ребенок, моим новым знаниям и умениям. И именно знания мои переходят таинственным образом в флейту, а она умеет переводить все знания в чарующие и волшебные звуки, которые доступны всем слушающим и слышащим.

Сегодняшний день для меня и для тебя, надеюсь, стал тем знаковым днём, когда ты вышел на новый путь. Путь познания невиданного, неслыханного, неизведанного тобой ранее.

Нет-нет, ты не подумай, что это знание стало доступным миру только сейчас. Оно было всегда, не все еще могут услышать флейту. Не все могут понять её мелодию, её разговор, путь, который она указывает, ведет в высоты, в страну истины и радости, страну красоты и нежности.

В той красоте звуков, что ты сегодня слышал, ты увидел покой, вечную любовь, сочувствие, молитву. И ведь в звуках её это Величие находится всегда. И находилось извечно.

Это дождь знаний, неустанно идущий, вечно отправляющий на землю свою живительную влагу мудрости. Дождь, пытающийся напитать всё живое любовью и стремлением к высшей радости. Он питает всё, напоминая всем нам, что род людской – это взаимозависимый мир, что мы духовно, морально и материально едины, едины со всем сущим.

Эта музыка, эти высоты духа, куда уносит она нас своим величием звучания, дает нам возможность с этих высот увидеть и понять слово жизни, понять свое внутреннее «Я».

Но ты сам сегодня убедился, что лишь ты один остановился возле волшебных звуков флейты, так же как и я когда-то был один среди толпы.

Значит, страдания наши пришли к окончательной точке. Значит, чаша горестей и бед набралась полная, и именно они, эти мучения, через которые пришлось пройти мне, да и тебе сейчас, привели к пониманию единства. И к пониманию мелодии флейты.

А впоследствии они приведут людей к сознанию того, что только раны, которые нанесли люди себе сами страданиями своими, смогли «расколоть» орех материального тела, и обнажить «Я», которое и смогло услышать отголосок истины.

А ведь только часть истины тебе удалось услышать и увидеть сегодня. Та красота, что открылась тебе, только краешек радости, представь, что же там дальше.

Я сидел, слушал, а внутри меня будто застаревшие мельничные жернова пытались повернуться и перемолоть те мысли и слова, что озвучивал мне старик. Ох и медленно они проворачивались. Мне кажется, что флейтисту удалось даже услышать этот скрип.

– Да, – сказал я, – то о чем вы говорите сейчас, с трудом укладывается в голове. Пока еще только напитываюсь вашими словами и мыслями. Очень трудно все это сделать, особенно если учесть, что никогда до сего дня я и не слышал, и не видел подобного. Да и разговор ваш очень отличается от обыденной речи. Но радует меня то, что в сегодняшней нашей встрече и в словах ваших я не нахожу противоречий, я согласен с вами, потому что вам удастся так вести рассказ, что всё кажется простым и логичным. А там, где логика, там и понимание, и простота. Лишь вычурность сложна для понимания и чаще за нею прячется ложь.

А у вас каждое слово, что я сегодня слышал, является золотом, истиной, правдой.

Так что пусть мои «жернова» поскрипят немного. Притрутся со временем, я уверен. И прошу вас, продолжайте.

И старик продолжил: – Ты видишь, везде мир наш истерзан войнами, он истекает кровью, он задыхается от насилия, и все это происходит из-за того, что в человеке коварным образом укоренилось презрение к истине. Презрение к духовной истине своего вечного «Я».

Природа наша – бессловесный свидетель наших безумств. Кругом глянь – опустошение огнем, водой, холодом, болезнями, голодом.

Именно преступление человека против своей внутренней сущности, против своего высшего «Я» скрытого, и потому не видного, является настоящим бедствием.

Но флейте и живительному дождю прозрений удастся извлечь своими дивными мелодиями это «Я» наружу, освободить его из тьмы плоти. И тогда-то и видит «Я» каждый уголок мира, земли нашей вершины и долины, видит все и знает, и узнает, что все едино.

Но страдает наша земля и скорбит, если нет игры на флейте, если не слышат её люди. И скорбь эта гнездится в душе каждого человека. Если же мысль летит за звуками дождя и волшебной флейты, то выше становится человек, и светлые мысли его тут же укутывают землю в цветочный шлейф радости, и уходит скорбь, и исчезают горе и беды.

Флейта волшебная теперь твоя, играй на ней, буди, узнавай, игра твоя будет прекрасна, я знаю.

Не говори ничего. Ты будешь играть на ней, даже если сегодня твой первый день, когда ты узнал о ней.

Играй!

Старик, положив футляр с инструментом передо мной на стол, проговорил: «Мне пора, я ухожу».

И ушел, аккуратно прикрыв за собой входную дверь.

Я хотел спросить. Хотел позвать, окликнуть, встать. Наконец хотел догнать его. Но неведомая сила удержала меня.

Очнулся я от звуков прекрасной и волшебной флейты. Я купался в высоте и красоте звучания. Я искрился в стране света. Я жил и творил там.

Пешеходы, как и обычно, спешили по своим делам, изредка бросая мне монеты в футляр.

И вот удача! Улыбка. Одна, другая. Светлели лица прохожих. Надеюсь, что они слышали жизнь-игру волшебной флейты и увидели высоту полета.

Прислонясь к стене перехода, я играл жизнь.

Музей

В то лето жизнь, то есть работа, забросила меня в небольшой городок.

Командировка, что уж тут сделаешь. Надо так надо.

Гостиница была крохотная, на пять комнат всего. Их все мы с коллегами и заняли. Получается, что мы своим приездом спасли персонал от вынужденного безделья. Такое у них случается, не так часто, но все же бывает.

Долгое отсутствие работы на работниках крошечного отеля сказалось лучшим образом. Приняли нас так, будто всю жизнь только и ждали нас. Соскучились по людям заезжим, да и поговорить хотелось, наверное.

В день приезда ко мне в комнату с очень вежливым стуком, даже музыкальным постукиванием, зашел метрдотель. Меня он почему-то признал главным в нашей группе.

Озвучив мне программу распорядка дня данного отеля, он сказал, что завтра открывается в городке новый музей. К его открытию готовились долго, пока собирали экспонаты, документы и артефакты, времени прошло много. Местные конечно старались узнать все из первых рук, от работников музея. Городишко маленький, и потому всем почти все было известно и об экспонатах, которые будут представлены в залах, и о самих артефактах.

Но так как мы люди временные и из других мест прибывшие, то он предположил, что нам такое развлечение будет по нраву.

И предложил мне, как самому вежливому из нас – с чего он только взял это? – посетить музей не завтра, а сегодня, пояснив, что в музее работает его племянница, и она будет рада показать мне музей, так сказать, первому, что я буду его первым счастливым посетителем. Ну и сказал он еще, что племянница так долго ждала открытия, так готовилась к нему, что уже сегодняшнюю ночь спала беспокойно, так ей хотелось показать музей людям.

Музей носил обычное для всех небольших городков название «Краеведческий».

Рассказал я коллегам своим за обедом в небольшом зале ресторана при отеле об открытии нового музея, предложив им посетить его.

Увидев на их лицах кислое выражение, понял, что я пойду туда один.

Но я не расстроился, нет, я даже обрадовался, потому как люблю рассматривать все без сторонних взглядов, в музеях, которые я и раньше посещал, я всегда отставал от группы с экскурсоводом, чтобы лучше увидеть и понять то, что представлялось моим глазам и чувствам.

Музей располагался не в центре города, а на его окраине. Улочка, ведущая к музею, утопала в зелени. Домики, расположенные на тихой улице, будто дремали в тиши листвы.

Сам музей похож был на старинный купеческий трехэтажный дом. Резные ставни, обрамляющие старинные рамы, выполненные мастерской рукой художника-плотника, притягивали внимание своей необычностью, древностью что ли.

Нежностью были наполнены березки, окружившие дом, будто стража, охраняющая крепость, стояли они. Посетителей, как, впрочем, и обычных прохожих, не попало мне по дороге сюда из гостиницы. Для таких малых поселений это было вполне привычным делом, но мне, жителю огромного города-гиганта, это сразу бросилось в глаза.

Не без волнения я поднялся по широкому деревянному крыльцу к дверям музея.

И только собрался взяться за ручку, как оттуда выпорхнула светловолосая, сияющая белозубой улыбкой девушка.

– Здравствуйте! – обратилась она ко мне. – Я ждала вас. Позвонил Аполлон Иванович, – и, увидев мои удивленные глаза, добавила, – это дядя мой, метрдотель из гостиницы, где вы остановились. Уж чем-то вы ему приглянулись, потому он и предупредил меня, что вы придете.

А меня зовут Диана Аресовна, я директор этого музея, и пока еще его единственный экскурсовод. Еще есть Мария Федоровна, это смотритель наш временный, но сегодня её нет.

Мы все еще стояли на крыльце, и здесь я с удивлением отметил и рассмотрел, что девушка такая маленькая, изящная, похожа больше на хрупкую статуэтку, чем на обычную жительницу таких городков. У меня-то опыт командировок был немал. И городов больших и малых я посетил достаточно. И заметил в себе новое ощущение. Будто глаза её огромные и серые смотрели не просто на меня, они будто видели меня насквозь, но сияла в этих глазах такая необычная теплота, которой так не хватает людям больших городов.

– Здравствуйте! – ответил я милой статуэтке Диане. И тоже представился: – Герман, можно просто Гера. Обычный инженер-механик, обычного предприятия.

И мы с Дианой вошли через холл в главный зал музея. То, что представилось моему взору, не описать никакими словами. Всё, начиная от половиц и заканчивая самой мельчайшей деталью, было таким искусным, будто здесь трудились мастера высочайшего класса.

На стенах, обтянутых шелком с необычными узорами цвета нежной чайной розы находились портреты основателей этого селения. Со стен смотрели красавицы и мужественные лица воинов-героев-защитников. Из необычно устроенных в нишах старинных светильников лился мягкий свет, создавая удивительные тени и блики, подсвечивая картины таким образом, что казалось, что не картины это, а живые люди смотрят на тебя внимательно и удивленно.

Как выяснилось, городок этот возник еще в X веке. Конечно, тогда и городком его нельзя было назвать, одна крепость-то и была здесь, но летопись гласила, что город этот был рубежом государства. Потому-то и сохранились воспоминания, начертания о городе, и представленные здесь артефакты.

Диана говорила и говорила, перечисляла имена и даты. Говорила все это так, будто рассказывала о своих самых любимых детях и друзьях. Эта экскурсия-лекция была возвышенной одой краю своему. Песнью восторженности и радости. Экспозиция, любовно собранная и оформленная местными энтузиастами, была представлена мне Дианой.

Из одного зала мы переходили в другой, и каждый зал был краше предыдущего. Каждый открывал свои тайны, а с помощью милого директора этого музея с неромантическим названием музей представлялся мне лучшим Музеем мира.

Пройдя три этажа музея и уже спускаясь вниз по ступеням, Диана на мгновение остановилась, будто вспомнила что-то важное.

– Постойте-постойте, вы ведь, кажется, инженер-механик? – спросила она.

Я подтвердил это.

Диана продолжила: – Вы знаете, вчера дедушка из села, что в километрах пяти от нашего городка, привез нам для выставки один механизм. Сам он в механике не разбирается. Но механизм старинный. Может, посмотрите на него, хотя бы скажете, от чего он, или для чего он был предназначен.

Тут уж меня удержать было невозможно. Люблю все странное и необычное, конечно я согласился посмотреть эту штуку.

Нам пришлось снова подняться наверх, за маленькой дверью третьего этажа в одном из залов было устроено нечто запасника.

Отперев дверь, Диана пропустила меня вперед, на ощупь включил я свет, и моему удивленному взору предстало нечто! На столе в центре комнаты стоял ящик небольшого размера, высотой сантиметров тридцать, шириной и глубиной сантиметров пятнадцать. А внутри находились шестеренки и колеса разного диаметра.

– Вот, смотрите, еще ключ к механизму этому имеется, – сказала мне Диана. И протянула немного погнутый, на взгляд вроде латунный, старинный ключ.

Еще не полностью оторвав взгляд от механизма, судорожно соображая, на что же этот предмет больше похож, я отвел руку в сторону ладонью вверх, ожидая холодок от положенного мне в руку ключа.

И лишь ключ коснулся моей ладони, не выпущенный еще из руки Дианы, как ток пробежал между нашими телами.

Все погрузилось во мрак. Время исчезло, вместе с именами и музеем.

Мы оказались в неизвестном месте в полнейшей темноте. Не поняв, что с нами, мы попытались определиться, где находимся. Руки наши были пусты. Вокруг нас не было ничего. Взявшись за руки, вздрогнув при этом, мы, скользя стопами по поверхности пола, пытались нащупать хоть что-то.

И вот рука моя коснулась влажной поверхности холодной стены. Девушка, начав дрожать, прижалась ко мне. Я, пытаясь вспомнить, кто я, и кого же держу за руку, а теперь и в объятиях, прижал девушку крепче. Шепча ей что-то вроде того, чтобы она не боялась, что мы вместе, и что нас ничто не разлучит.

Говоря это, я начал вспоминать, что нас вдвоем отправили в холодные казематы в наказание за то, что мы отказались от даров колдуна. Их мы должны были принять, и ими одарить нашего повелителя.

Ох, и тяжелая участь нас ждала, но пока нас пугали, и я об этом знал, не знаю, откуда, но знал точно.

– Горни, милый Горни, как хорошо, что я не одна, – шептала мне девушка, и я вспомнил, что это Малир, моя возлюбленная невеста шепчет мне ласково слова успокоения.

И вот слышались гулкие шаги по каменному коридору. Тени замечались от факелов, несомых кем-то, кто приближался к нам.

И вот свет огня добрался до нас, и мы увидели перед собой Пираса, колдуна, мага, которому мы должны были помочь погубить правителя.

Он, звякнув ключами, отомкнул железную дверь нашего места заточения.

Заговорил Пирас: – Ну что, жалкие существа из рода человеческого, подумали ли вы о том, что вас ждет в случае вашего непослушания моему решению?

Решив потянуть время, и сообразив, что никак не могу вспомнить, что же предшествовало нашему заточению, я сказал:

– Ну что же, води нас к солнцу, води нас к звездам, покажи нам еще раз и расскажи, чего же ты от нас хочешь на самом деле.

Пирас, как-то сморщившись и сгорбившись, и обретя вид дряхлого старика, зашамкал:

– Ну что же, дети мои, пойдем со мной.

И все дорогу шел перед нами, освещая путь факелом. В маленькой комнатушке, куда он нас привел, он рассказал нам о своей задумке по искушению правителя древними артефактами.

И разложил перед нами товары, которыми мы должны были увлечь правителя государства, чтобы он, увидев их, захотел ими обладать, но взамен этого он должен был отдать свою молодость магу-колдуну.

– Смотрите, – говорил он нам, – какая замечательная шапка, она непростая, ведь она невидимка. Правитель ваш, обладая такой шапкой, сможет присутствовать на любом сборе, любого двора, и там, подслушав секреты, может так организовать свою политику, что станет Властелином мира.

Маг поднял вверх указательный палец, показывая, что это ли ни есть главное достижение и желание всех правителей.

– Или вот, смотрите, сапоги-скороходы, немного запылились они, конечно, но скорость у них от этого не убавилась. В таких великолепных сапогах что бы ни случилось, какая бы катастрофа на земле ни произошла, он всегда сможет убежать в безопасное место! Разве не чудесное это чудо? – спрашивал он у нас, ожидая видимо от нас одобрения своих мыслей.

Но мы ждали продолжения и молчали, будто набрали в рот воды.

Старик продолжал: – Вот еще есть волшебная палочка, что угодно можно заказать ей. Все она выполнит, ну или почти все.

Или вот еще, посмотрите, кошелек-самотряс. Великолепнейшая и забавнейшая штука. Сколько бы ты ни вытрясывал кошель этот, деньги там не заканчиваются! Разве не прелестно это? – опять спрашивал он.

Или вот скатерть эта, да не проста она – это самобранка. Не смотрите, что немного порвалась, блюда подает до сих пор самые лучшие, какие только пожелаешь, можете ли вы отказаться от чуда такого? И слуг не надо, и повара не нужны. Ешь да пей в свое удовольствие.

Ну, уж горшочки с кашей я вам и не предлагаю, это совсем старинная вещь, да и коза вам золотая вряд ли нужна.

И тут он пытливо уставился на меня. Глаза его сверлили и сверлили меня.

Я, как бы через силу ответил: – Ну а что же будет, если правитель согласится поменять свою молодость на ваши волшебства?

– Оооооо! – закричал маг. – Тогда я стану самым молодым магом, у меня будут тысячелетия на новые опыты, и потом, я смогу...

А... вам незачем этого знать.

Вам и надо-то лишь уговорить правителя на обмен. Кстати, неплохой обмен.

Вы же знаете, с вами я честен. Мне к правителю нельзя, не допустит он меня, только вам он и верит. Потому и выбор мой пал на вас.

Соглашайтесь, ведь, согласившись со мной и моим предложением, вы тоже приобретете вечность! И будете рядом со мной всегда! Думайте! Думайте!

Если хотите, могу вам дать примерить вот шапку эту, и кошель потрясти. Ну, как?

Я напряженно думал. Вспоминал правителя, вспоминал – ну почему он допускает к себе только нас с Малир. Думал, думал, сердце лихорадочно стучало в груди моей. Малир, прижимаясь ко мне всем телом, давала мне свою силу отваги и свою память.

И я, о, счастье, вспомнил, что мы совершенно безбоязненно сможем принести правителю нашему эти дары от мага. Правитель наш лучший друг. Принести ему можно это совершенно безбоязненно, потому что он самый лучший и чистый человек, который был нам известен. Никогда и ни за что он не согласился бы ни от кого взять дары эти. Даже если бы мы их ему преподнесли.

Такого чистого сердца не видели мы, к такой чистоте мы стремились с Малир. Он был для нас примером примеров. Он был Идеалом, к которому надо стремиться всем.

Малир, крепко сжав мою руку, будто прочитала она мои мысли, тихонько шепнула: «Ты прав! Я с тобою всегда и навсегда! И рада, что ты уверен в чистоте правителя, и еще больше рада, что ты чист сердцем, и так же, как и он, горяч!»

Но все же, несмотря на заключения мои мысленные и поддержку Малир, я отказал магу. Сказал, что дружбу предать нельзя, что нет смысла искушать правителя, что если бы и сам был правителем, то ответ мой был бы такой же. И если магу нужны мои и Малир молодость и силы, то и тут ему будет отказ.

Завизжал маг, будто отдавили ему мозоли тысячелетние. Кинул в нас ключом железным от подземелья, где мы сидели, но, выставив вперед руку, и почувствовав, что Малир тоже протянула руку вперед, мы вдвоем поймали ключ.

Страхнув с себя наваждение темноты, я обнаружил в руке ключ, который еще держала в руке Диана, мы находились вдвоем в запаснике музея.

Что было потом? Думаю, что это будет не так интересно читателю.

Единственное, что стоит добавить, что с недавних пор работаем мы с Дианой вместе, в нашем любимом Краеведческом музее.

Да, и все же уточню про механизм старинный, который нашел и принес в Краеведческий музей дедушка. Выяснилось, что это старинные солнечно-звездные часы.

У нашего музея раритет этот забрали потом в главный музей нашего Отечества, уж очень он им интересен показался.

Павел

Кроме Павла, в купе пассажиров не было.

Убрав свои вещи, он забрался на верхнюю полку.

– Ну и хорошо, что нет никого, – с облегчением подумал Павел, – не будут лишний раз тревожить беседами или вопросами, которые так часто возникают у случайных попутчиков.

Мысли громоздились одна на другую. Лезли, толкаясь, будто в безумной очереди. Молодого человека лихорадило от его, как ему казалось, безвыходного положения. Потом он вдруг успокаивался, вздыхал тихо, пытаясь уснуть, но опять круг мыслей, завершив один виток, заходил на другой.

Его мутило от себя, от всего того, что он старался забыть всеми силами.

Он хотел спрятаться от мыслей и от себя. И наконец-то он забылся беспокойным сном. Поминутно вздрагивая, ежась, свернувшись в калачик.

На одной из станций в купе вошел дед. Скинув с себя рюкзак, он, стараясь не шуметь, вышел за чаем.

Вернувшись с двумя полными стаканами горячего, исходящего паром янтарного напитка, он уселся на нижнюю полку.

Павел, почувствовав, что в купе ворвались струи свежего ночного воздуха, приоткрыл глаза. Поморщившись опять от своих муторных мыслей, он попытался сделать вид, что спит.

Но дед, то ли не замечая, что парень, лежащий на верхней полке, сморщился, как от зубной боли, то ли желая просто поговорить, обратился к Павлу:

– Будь здоров, молодец!

В голосе деда играли звенящие ноты радости. Тембр голоса деда был сродни звучащему альтово-сопрановому регистру духовой трубы.

Голос его был удивителен. Он звал к пробуждению, он звучал так жизнеутверждающе, что Павел, не ожидая от себя такой прыти, ответил:

– И вам здоровычка крепкого, дед! – войдя в роль нахлынувшей старины говора.

Мысли, которые будоражили сознание Павла, исчезли, или просто утихли.

Дед, завладев вниманием молодого человека, представился:

– Пантелеймон Петрович. Бывший работник совхоза «Заречный».

Павел, протянув руку с верхней полки, тоже назвал свое имя.

И спрыгнул сверху. Еще раз крепко пожав руку деду.

– Ну, вот и познакомились, – сказал Пантелеймон Петрович, – присаживайся рядом, да попьем с тобой чаю дорожного.

Павел сел за столик напротив деда. Вспомнив, что у него в сумке есть пирожки, приобретенные в привокзальном буфете, он вынул их и, развернув пакет, предложил угощение.

Колеса поезда мерно отстукивали ритм пути. Разговоры, поначалу не касающиеся личных дел, утихли, исчерпав себя.

Но дед, не успокоившись на этом, предложил Павлу:

– А давай-ка мы с тобой ещё чаю выпьем, да поговорим о жизни, вижу, что тебе не по себе, а чаек, глядишь, и поможет чем, а может и я смогу тебе чем пригодиться, да совет, ежели он тебе надобен, дать. Жизнь-то вроде простая штука. Но иногда так завернет, что уж и деваться от её виражей некуда.

Павел, вначале даже и не думавший о ночных разговорах с попутчиками, теперь переменил мнение по этому поводу. Дед своим выговором, да присущей ему теплоте в речи, вытягивал больные нити из Павла, помогая невольно убрать тяготившие его мысли. Настраивая думы его на лучшее звучание что ли.

– А давайте выпьем еще по стакану живительной влаги, – согласился он, и направился за чаем.

Вернулся быстро, даже торопясь продолжить беседу.

Дед, прищурясь, отпив глоток горячего чая, проговорил:

– Знаешь, Павлуша, расскажу я тебе немного о жизни своей студенческой. Давно это было, конечно. Давным-давно. Уж и былшем поросла память о тех далеких годах. Но, возможно, что тебе удастся хоть как-то понять себя, глядя на события своей жизни через призму тех событий, о которых поведаю тебе.

Увидев взгляд Павла, который пронзительно уставился на него, дед сказал:

– Видишь ли, сынок, глядя на тебя, понимаю, что тебе нужна поддержка. Плохо тебе, муторно тебе, а понять причину своей тоски-печали ты не можешь. А мы с тобой сейчас поговорим о всяком-разном. Я тебе о своем житье-бытье поведаю, а потом ты мне о своем расскажешь, если захочешь.

Павел притих, понимая, что дед этот – не совсем простой дед. Знающий что ли. Всяк ли человек может понять, что кому-то рядом с тобой плохо. Вот то-то и оно, что не всякий. Каждый видит во всем только себя, а нужды рядом сидящего и стоящего не чувствуют и не принимают.

Дед продолжил:

– Было это можно сказать при царе Горохе, то есть давненько, учился я тогда в институте. Тогда, было времечко, отправлялись студенты на лето в составе стройотрядов или на строительство, или в помощь колхозам и совхозам. Да ты знаешь, наверное, о такой практике?

Павел кивнул, подтверждая слова деда.

Пантелеймон Петрович продолжал:

– Наш стройотрядный курс из родного института поделили на несколько частей и отправили по деревням страны нашей огромной.

На долю нашего отряда выпала честь строительства конюшен, да заготовка сена и силоса.

Все городские были в нашем отряде. Ни одного деревенского паренька или девушки.

Все нам было в новинку. Нас привезли, выгрузили вещи и оставили в деревне на два месяца.

Председатель совхоза был рад увидеть нас. Добрые руки, да в пору, когда необходимо заготавливать впрок сено, очень нужны были в деревне.

Нам выделили сарай не сарай, а очень просторное помещение, барачного типа.

Кстати, сарай-то неплохой был. Пол, устланный свежим сеном, пахучим, притягивал взгляды своей необычностью.

Девчонки наши поначалу возмущались тому, что мы, будто коровы, в хлеву жить должны. И убрали все сено из-под ног. Вместе с сеном ушла романтика деревенской жизни. Запах лета улетучился из нашего нового дома. И девчонки снова, теперь уже радуясь, разбросали сено по полу.

И впоследствии ежедневно кто-нибудь из них приносил новой травы, для усиления запаха в наших деревенских хорах.

Девчонок у нас в отряде было всего двое. Танюша да Аннушка. Они поехали с нами, зная, что им придется готовить нам ежедневно супы и каши, варить бесконечные компоты, читать нотации вместо оставленных нами дома мам и бабушек.

Девочки нашу работу свою выполняли на «отлично». Кормили нас так, что после обеда и шевелиться неохота было, а завтрак был вкуснее вкусного. Особенно если его удавалось сдобрить ягодами земляники, малины или черники.

Первую неделю мы только обвыкались, присматривались, знакомились с местными. Отношения с деревенскими ребятами у нас сложились довольно миролюбивые. Тем более, что их девчатам мы не задавали лишних вопросов, да и на местные танцы в клубе не ходили.

У нас была своя романтика. Вечерами, уходя к реке, мы, взяв гитару, пели романсы и баллады, пекли в костре картошку, обжигаясь и пачкаясь сажей, ели её и фырчали от удовольствия.

Местные ребята, работавшие трактористами, их не так и много было, остальные подались в город, примыкали к нам у костра нашего вечернего.

Приносили с собой гитару или гармонь, и пели народные песни.

В один из вечеров, Кузьма, один из местных жителей, предложил нам испытать себя на мужество и закалку нервов. Сказал, что в лесу в день Ивана Купалы вырастает избушка без курьих ножек. Но очень древняя. И из избушки той разносятся вопли и скрежет. И никто из местных не решается туда подойти и зайти. Был, говорят, один храбрец, но после ночи проведенной рядом с избой той, он поседел и перестал говорить, потом уж его в больницу забрали.

Разве может быть страшным что-то, когда тебе семнадцать лет? Нет, конечно.

Мы, сказав, что это враки, не боялись той избу.

Но день Ивана Купалы приближался. Ежевечерне один из нас напоминал о вырастающей за ночь избе. Но, так как к избе можно было подойти только в одиночку, то должен был быть лишь один герой, желающий проверить свою храбрость.

Если рядом с избушкой появлялось пара человек, то изба исчезала, будто и не бывало её.

А туда бы зайти хотелось, да глянуть, кто же воет там, да скрежещет чем?

Наступила ночь та самая. Мы опять сидели у костра, песни не пелись, истории не рассказывались. Все ждали сами от себя и от каждого сидящего рядом того слова веского, которое укажет на смельчака.

Никто не признавался в трусости своей, но и никто не собирался пойти в лес, да убедиться в наличии избу.

Страх мучал каждого. Видимо всем рисуя жуткие картины. Храбрецов не находилось в нашем кругу.

Местные, видя, что никто из нас не собирается к лесу, махнув на прощание нам рукой, собрались к деревне.

И я тут встал, и сказал: «Ну что же, двум смертям не бывать, а одной не миновать. Пойду я в лес. Да разгадаю вашу лесную Ивано-Купальскую тайну. Посмотреть мне надо на избу вашу, а может, и нет там ничего, ведь признайтесь, вы же придумали эту сказку?»

Кузьма молчал, глядя на меня исподлобья.

Я собрался с духом, и, обведя прощальным взглядом круг друзей-товарищей, сидящих у костра, отправился в неизвестность.

Стоило зайти в лес, темнота расступилась, представив моему взгляду избу, всю поросшую мхом. В оконцах малюсеньких пылал свет, но пыль, лежащая густым слоем на стеклах, не давала возможности рассмотреть, что скрывается за ними.

И тут я услышал дикое гиканье, оно несло из-за дверей избушки. Присев от неожиданности звука, я продолжил путь к домику. Ступая осторожно, мягко я приближался к избе.

Павел напряженно смотрел на деда. Сейчас он был им, сейчас именно Павел шел к избе неведомой, пугающей всех своим криком. Павел шел и не дышал.

Настолько живописно представил он картину, рисуемую ему Пантелеймоном Петровичем.

Когда из избушки послышался скрежет железа, я уже понял, что зайду внутрь, чего бы мне это ни стоило.

Нет смысла бояться, если ты даже не знаешь, чего боишься.

Будто надев на себя броню отваги и бесстрашия, я, подойдя вплотную к избушке, взялся за ручку двери.

– Ну что? – обратился дед к Павлу, – говорить, что дальше было?

И, выжидательно смотрел на молодого человека.

Павел пересохшими губами почти прошептал:

– Да, конечно продолжайте, необычен конечно ваш рассказ, и будто я там, в лесу этом рядом с вами стою, иду рядом, держу эту дверную ручку. Но пожалуйста, говорите, что было дальше.

По коридору поезда прогрохотал кто-то коваными каблуками и вновь все стихло. Колеса отбивали ритм сна. Вагон спал, но нашим попутчикам было не до сна.

Дед, отпив глоток почти остывшего чая, продолжил.

Дверь была заперта. Я постучал.

За дверью стихли движения, закончил кто-то скрежетать, топот и гиканье тоже прекратились.

– Кто там? Дух ли лесной к нам пожаловал, или человеческий?

Голос, задающий эти вопросы, был подобен скрежету пилы по заржавевшей поверхности металлической крыши.

И представилась мне стоящая за дверьми старуха ростом с метр, сморщенная да худая, обросшая корнями и мхом.

Я ответил, что я, мол, дух человеческий, что пришел без особой надобности, а для интереса собственного.

Скинул некто в избушке крючок с петли внутренней и, взяв меня за руку, прямо втянул в избу.

От яркого света я вначале зажмурился, а потом, потихоньку приоткрыв глаза, оглядел пространство.

Я увидел, что стою посередине огромного зала, с высоченными потолками, а из-за колонны зала меня манит к себе пальцем загадочная личность, лицо которой, впрочем, как и вся фигура, было укрыто от взглядов одеянием цвета мха.

Не понимая, как такой маленький дом смог вместить в себя такой зал, я отдался мгновению. И предоставил событиям возможность устраиваться так, как им удобно. А сам, просто последовал за манящей и зовущей меня за собой фигуре.

Из одного зала мы перешли в другой, зал освещен был многими свечами, у стен стояли люди в камзолах, рядом с ними находились дамы. Небольшой оркестр настраивал инструменты.

Фигура звала меня дальше.

Через огромные двери мы вышли в удивительный сад, который был полностью усажен розовыми кустами, вдоль фонтанчиков с фигурками ангелов стояли ажурные скамейки.

На одну из них, скрытую больше, чем остальные, фигура присела, поманила меня за собой.

Я подошел. Страх во мне не было. Это я помню точно.

Фигура пригласила жестом меня присесть.

Сев рядом, я приготовился к разговору. И он не заставил меня ждать.

– Что бы ты хотел увидеть больше всего? Что бы хотел нового узнать?

Есть ли что-то, чего ты хотел для себя? – спросило меня существо в одеянии.

Я задумался. Что бы хотел я попробовать? Что узнать? И чего я вообще хочу от жизни.

Не знаю, что стукнуло мне в голову, но я сказал, что хочу прокатиться на метле. Попробовать, как это – лететь на ней. И как ею управлять.

Засмеялось существо, скрытое одеждами. Смех легкий такой, воздушный. Совсем не скрипучий и не страшный.

– Ну что ж, желание твое выполнимо.

И перед существом появилась метла. Обычная дворницкая.

– На, держи, – протянуло существо мне предмет летучий, – лети! Пробуй!

Я встал со скамьи и взял протянутую мне метлу. Уселся верхом. Жду. Не взлетаю.

– Ну что же ты остановился? – спрашивают меня из одеяний.

– Я не умею управлять ею. Не знаю, что надо сделать, чтобы полететь, – отвечаю.

– Скажи метле, что ты хочешь лететь, и она послушает тебя. Захочешь опуститься на землю, то опять, стоит тебе только мысленно представить снижение, как ты тут же пойдешь вниз, к земле.

– Так просто? – удивился я.

– Так в жизни все просто, разве ты не знал?

Я сосредоточился. Захотел взлететь, и тут же стрелой взмыл вверх, так быстро, что чуть было не упал.

Пролетев над садом, глядел на звездное небо. Потом посмотрел вниз, на дворец, из которого мы вышли с существом, затем полетел дальше и дальше.

Передо мной открылся горизонт, было сумеречно, но виднелись темные леса. Река, расположенная в низине, блеснула серебром луны.

Я решил подняться выше, и леса тут же слились в темно-зеленое пятно, дворца не было видно, реки змейками лежали внизу, подставляя свои бока лунному свету.

– А еще выше, метла, сможешь меня поднять?

Представляешь, у метлы спрашиваю? Метла мне не ответила, конечно, но еще выше поднялась.

– А еще выше можешь? И еще поднялись. Я все смотрел и смотрел вверх. То, что представилось мне, моему взору, не смогу описать и сейчас. Свет льющийся и мерцающий, исходящий от звезд, меня окружающих, удивил меня так, что я не сразу сообразил посмотреть вниз. А когда опустил взгляд, то земля наша яблоком райским показалась. Так далеко унесла меня метла.

– Ты, возможно, не веришь мне, но дело твое. Все, о чем я тебе рассказываю, на самом деле произошло со мной, – сказал Павлу Пантелеймон Петрович.

– Я слушаю вас. Говорите, пожалуйста, – нетерпеливо ответил Павел.

– Звуки, которые меня окружали, были несколько необычными. На земле я таких не слышал. Потому и описать их тебе не смогу, нет сравнения этим звукам, – продолжил дед рассказ.

Затем, все же, вспомнив, что я хотел попробовать не только взлетать, но и верно опуститься в то место, из которого начался полет. Я мысленно приказал метле нести меня в цветущий сад у дворца к скамье с существом.

Метла послушно понеслась к земле. Замелькали, как в калейдоскопе, цвета, планеты, спутники, звезды. С нарастающим звуком приближалась земля. Я попросил метлу уменьшить скорость. С непривычки к такому способу передвижения закружилась у меня голова.

И вот я предстал перед существом, которое мирно сидело на скамье в ожидании моего возвращения, держа в руках метлу, как воин копьё.

Вернув метлу владелице, я сказал, что полет был удивителен.

Но мне интересно было, почему в тех местах, то есть в обычных краях, где я живу и учусь, люди не летают. Ведь это просто. Надо захотеть только.

Опять сквозь тихий смех голос мне поведал, что на земле нет таких условий, но будут, если люди научатся управлять материей так, что материя будет податлива и послушна.

– Вот посмотри сам, – продолжил голос, и в нем зазвенел колокольчик, – и скажи мне. Все ли люди умеют управлять собой?

– Конечно, все, – ответил я, – все ведь учатся ходить, потом говорить, писать, учиться и учиться.

– Нет, я не об этом, умеют ли волей своей подчинить себе материю таким образом, чтобы она слилась с волеизъявителем? Ну например, приказать подняться яблоку над столом, или одним усилием воли открыть окно или дверь.

– Ну, тут вы погорячились, – отвечаю, – это же телекинез. Не все им владеют.

– Но все будут им владеть, – возразил мне голос, – вот когда вы сможете подчинить свою волю себе так, тогда вы сможете открывать, закрывать, летать, поднимать, творить все только волей.

Полеты ты увидел. И еще я хочу узнать у тебя:

Что бы хотел нового знать?

Чего ты хочешь для себя? Говори, жду.

– Для себя я, наверное, ничего не хочу. У меня все есть, – сказал я существу.

А для всех людей я хочу счастья. Я хочу, чтобы мир царил на земле. Не хочу ужасов войн, эпидемий, болезней разных. Как это сделать? Есть ли рецепт такой? Есть ли возможность научиться так жить?

– Есть.

– Можно ли узнать рецепт? И чем я смогу помочь людям? Вы сможете мне ответить? – спросил я у существа.

– Учись, мой дорогой друг, читай, узнавай, и чем больше ты узнаешь сам, тем большим ты сможешь поделиться с другими людьми.

Оставайся человеком, ведущим за собой. К светлому будущему, к миру без войн и катастроф.

Во дворце играл оркестр, существо, сказав, что вынуждено проститься со мной, покинуло меня, на прощанье вложив мне в ладонь перстень.

И дед протянул Павлу руку, показывая на перстень. Камень сиял темно-синим цветом, вдали кобальтовой сини мерцали далекие звездные россыпи.

Я очнулся в лесу, когда занимался рассвет.

Вернувшись в наш деревенский дом-сарай, я обнаружил, что девчонки уже накипятили чай, большая кастрюля с кашей стояла на столе. Ребята ушли на реку, умываться.

Я рассказал им все о странствиях и избушке страшной лесной, когда они вернулись к завтраку.

Мне никто не поверил, что, впрочем, естественно. Кольцо не помогло утвердить истину.

С тех пор я почти никому и не рассказывал эту давнюю историю. Есть ли в ней смысл для кого-то, кроме меня?

Павел думал. И вроде правда все, и вроде нет. Не верить убежденному сединой человеку не хотелось. Да и было в его рассказе что-то верное, что он не мог определить точно.

Дед продолжил: – Убеждать тебя я не буду. Думаю, что ты сам со временем поймешь многое.

Дед засобирался к выходу, Павел, терять ему было нечего, он ехал не конкретно куда-то, а пытался убежать от себя, напросился в гости к Пантелеймону Петровичу.

Казалось, что дед счастлив такому повороту событий. Он широко улыбнулся Павлу.

– Собирайся! – ответил Пантелеймон Петрович.

Еще о многом предстояло ему рассказать Павлу.

Ранним утром на одинокой станции из поезда вышли два пассажира.

Они погрузились в туман перрона и скрылись в нем, унося с собой свои тайны, радостные и печальные.

Небо

Выйдя утром из подъезда, я заметил на асфальте небо синее, пушистое своими легкими облаками.

Что-то тянуло меня к этому небу так, как никогда раньше.

Я разбежался и со всего маху прыгнул в небо. Стараясь попасть прямо в середину.

Если кто-то и наблюдал за всем этим со стороны, то он лишь удивился, что взрослые люди скачут по утрам по безразмерным лужам, отражающим на своих поверхностях синие небеса.

Но так могли сказать лишь те, кто видел это, но не участвовал в этом прыжке.

Вот и тебе, читатель, наверное думается, что брызги полетели во все стороны, и воробьи, окружавшие лужи, вспорхнули на ветви ближайших деревьев.

Ничего подобного этому не случилось. А вот что было на самом деле.

Послушайте:

Утро это выдалось потрясающим и прекраснейшим утром. Вчера я увидел то, что не следовало бы мне видеть еще лет пять.

Ах, да, простите, забываю, что надо представиться для начала. Я Василий Переверзин, студент первого курса факультета Квантовой магии, который есть в Институте Высочайшей Физики. Не верите, что есть такой институт? А зря. Я же там учусь.

Ну, так вот, лет пять не следовало мне видеть Лилию, потому как, увидев её, я понял, что все то время, которое я жил без нее, прошло абсолютно напрасно. А почему лет на пять раньше я увидел? Возможно, и этот вопрос будет вам интересен. Так вот: Лилию бы в кафе хотелось мне сводить, или цветов ей купить, или еще как-то порадовать. А я что? Кто? Студент. Да еще и на первом курсе.

Лилия тоже на первом учится, в другой группе только.

Какая радость, что есть Лилия. Она подарила мне мечту. Она одарила меня крыльями.

И вот на этих-то крыльях я и вспорхнул в центр неба синего у подъезда дома, где жил у тети своей.

Лечу, я, значит, и понимаю, что лечу уже на самом высоченном небе. Седьмое это что ли. Лечу и думаю, а почему земли-то не видать под ногами. А оказывается, что полет мой продолжается ногами вперед.

Не понравилось мне так лететь, перевернулся я. Лечу. Небыстро лечу, успеваю рассмотреть капли водные, что облака наполняют. Земли пока не вижу, но по ощущениям понимаю, что снижаюсь, то ли звук от полета изменился, то ли в ушах засвистело.

Думаю, а чего же это я не парю, чего же я как камень просто падаю. Надо попробовать руками, что ли, взмахнуть. Взмахнул, понравилось. Порадовался, что сегодня я с рюкзаком пошел на занятия, а не с пакетом. Руки хоть свободные. Не думаю, что удобно было бы лететь и размахивать руками, в которых пакет с конспектами и учебниками, еще и пара бутербродов.

Кстати, а не перекусить ли мне. Хоть я и успел выпить кофе чашечку перед институтом, но есть-то еще не ел.

Неее, думаю, не буду пока есть. Лететь тяжело будет. Передумал. Еще пару взмахов сделал руками. Воздух тугий такой. Прямо чувствую его, ощущаю, как он дает о себя опираться. Радостно мне так в полете этом. Подумал, а может с птицей какой в догонялки поиграть или поговорить? Сам на себя удивился. Взрослый, взрослый, а все как дитя, это Лилия на меня так наверное повлияла, то есть не она конечно, а то, что я влюбился в нее.

Смотрю, на горизонте появились птицы, приблизился, спрашиваю: «Как полет?»

Слышу ответ: «Полет нормальный, иду на снижение, первый, как слышите?»

Вот думаю, птицы дают, как в самолетах переговариваются. Подлетаю к другой, спрашиваю: «Как настроение, как сегодня полет проходит?»

– Полет отличный, настроение прекрасное, иду на снижение. Второй, примите мои позывные. Это Стелла. Второй, слышите?

И вдруг голос тети Маруси: «Васенька, Василек, просыпайся! Вставай, мой хороший, я кофе тебе сварила!»

Оглядываюсь, ищу взглядом, где же тетя летит. Не вижу. Зажмуриваюсь, думаю, глаза надо получше настроить, тогда может и увижу её. Зажмурился. Как распахну глаза резко.

Ах! Сияет мне в лицо солнце весеннее, яркое, обещает мне полеты во снах и наяву, ведь есть на земле чудо. И чудо это зовут Лиля!

Живая сказка

Уже пять часов я не вставал из-за руля. Я ехал к другу. Он снял домик в горах. И пригласил меня к себе. Я с радостью и предвкушением необычайных видов величественных строений природы ехал без остановок. Оставалось до места назначения еще километров двести.

Но резкая боль, появившаяся между лопаток, заставила меня съехать на обочину. Дорога петляла, поднимаясь и спускаясь горным серпантином.

Выйдя из машины, я привычными движениями размялся. Подумал еще, ну куда я тороплюсь, сегодня-то уж точно успею добраться до Мишки. И решил сделать привал. Горные склоны, покрытые ковром трав, приглашали к себе. Вынув термос, я достал булочки с корицей, и, расположившись недалеко от дороги, устроил пиршество.

Боль понемногу утихла.

Движения на этой дороге не было. Похоже, что это личная Мишкина дорога, подумал я. И сидел с удовольствием, пил горячий кофе, наслаждаясь видами, открывавшимися мне. Травы с шелковым шелестом помогали настроиться мне на самое лучшее.

Я, раскинув руки в стороны, упал в траву. Боль, заставившая меня сделать здесь остановку, вновь заявила о себе.

Уговаривая себя сделать хоть малейшее движение, чтобы перевернуться и попытаться встать, я потерял сознание.

Сколько времени я пробыл в такой бессознательности, не знаю. Придя в себя, я обнаружил, что нахожусь в совершенно незнакомом мне месте. На скалистом утесе, где я оказался, не было ни травинки. Дорога, на которой я оставил машину, исчезла. Склонов зеленых, сочных травами не было видно. И вдруг раздался клекот, громкий, призывный. Я поднял голову и увидел, что ко мне пикирует огромная птица. Гриф ли это был, или кондор, не знаю, не силен в орнитологии.

Странно, но в тот момент я даже не насторожился, я с радостью смотрел на птицу. Я, как оказалось, ждал её с нетерпением.

Когда птица приблизилась, размах её крыльев заслонил весь горизонт.

– Мама, – сказал я, – я есть хочу.

– Сынок, милый мой малыш, тяжела наша доля, но еды нет в округе. Сегодня у нас на ужин только сказки.

Ого, подумал я, как такое бывает? Я понимаю язык птиц, а вместо еды могут быть сказки. Интересно, а сказками можно наестся? И продолжил размышления. Я помню свое имя. Так? Так. Зовут меня Митей.

И почему птица со мной говорит, а я её прекрасно понимаю?

А, так это наверное сон.

– Нет, сынок, это не сон, – нежно сказала птица. – Это сказка, только ожившая. Сейчас ты убедишься в этом. Время твое пришло, и сегодня мы с тобой впервые полетим вместе. Ты помнишь свою боль между лопаток? – спросила мама.

– Конечно, мама, как я могу её забыть, от этой боли я и потерял сознание.

– Так вот, это крылья твои расправлялись. Эта боль ведь сейчас тебя не тревожит?

Я пошевелил плечами. Боли не было. Но то, что я увидел, привело меня в восторг. Крылья необъятной величины расправились у меня, как паруса у гигантского парусника.

Я взмахнул ими, попробовал взлететь. Страшно. Не смог взлететь.

– Сынок, Митенька, ты не бойся, летать просто. А сегодня особенный день, на ужин у нас сказки, полетели за ними, давай же, лети за мной.

И мама, взмахнув крыльями, от которых потоком воздуха повеяло радостью, вылетела из гнезда.

Я пустился вслед. Страх исчез. Осталось необычайное чувство легкости и чудесного встречного ветра, несущего навстречу сказки гор и долины, что была далеко внизу.

– Сынок, – звала меня мама, – за той высокой и белой горой, там, далеко, есть сказки. Там сказочная страна, давай за мной, не отставай.

И я пустился вслед за мамой. След в след всегда легко лететь, так говорит мама. И верно, за мамой открывался такой путь, который даже не требовал напряжения ещё не окрепших крыльев.

На белой горе мы остановились перевести дыхание. То, что открылось моему взгляду, описанию не поддается. Везде была сказка. Большая, чистая, красивая, добрая сказка.

– Ну что, милый мой мальчик, вперед, к сказкам.

Мы сорвались с горы и полетели так, как могут летать только сказочные птицы. Мы парили, мы наслаждались полетом. Мы торжествовали. От такого необычайного вида, открывшегося перед нами, я закрыл глаза. Положившись на ветер, который держал меня в своих сильных руках.

А когда я открыл глаза, то увидел перед собой солнце. Оно светило мне прямо в глаза, ласково улыбаясь, я оглянулся в поисках мамы, но меня окружала изумрудная трава, шепча мне шелком шелестящего ветра сказки.

Я захотел взлететь вновь, но, увидев перед собой термос, а на дороге машину, понял, что в сказке мне еще только предстоит побывать.

К вечеру мы с Мишкой уже сидели на террасе его домика и смотрели сказку, живую сказку природы в сказочной горной стране.

Карусель

Мы на многое не отваживаемся не потому,
что оно трудно; оно трудно именно потому,
что мы на него не отваживаемся.

Сенека

В один из дней, когда наша группа, состоящая из жителей всех городов нашей большой страны, путешествовала по городам и весям огромной планеты, нас привезли в «Страну детства». Хотя и были в нашей группе люди, которым «перевалило» за ...дцать лет, всем было интересно побывать в такой стране.

Нетрудно себе представить, что такая страна была наполнена аттракционами, каруселями, качелями, горками, трамплинами, удивительными дворцами с перекидными мостами.

Купив входные билеты, наша группа рассеялась по этой стране.

Минут через пятнадцать я потерял из виду всех своих коллег-экскурсантов, так увлекла меня эта удивительная местность.

Естественно, что я накачался на всех видах качелей. Напрыгался на батуте до лёгкого головокружения, прыгал в мешках, перетягивал канат. А затем увидел паровоз, и не смог отказать себе в удовольствии прокатиться в вагоне с настоящим паровозом, и он увез состав далеко-далеко в горную страну. Пыхтя и пуская клубы дыма, гудя и шипя на остановках, он провез нас с попутчиками по таким высям и далям, что я даже удивился тому, насколько велика оказалась страна детства.

Состав привез нас в неизведанный город, который возвышался на холме. Высадив пассажиров, поезд тронулся, и, издав гудок, покинул пределы платформы вокзала, а затем и городка.

Пассажиры, которых заинтересовал этот городок на холме, направились к нему.

Везде играла музыка. Многочисленными шествиями шли карнавалы. Наряженные в разноцветные костюмы жители городка встретили нас весельем. И, окружив нас, пуская фейерверки, играя на всевозможных музыкальных инструментах, проводили в город.

Навстречу нам вышел, вы только подумайте, настоящий король. Его сопровождала огромная свита.

Он обратился к нашей группе: «Приветствую вас, милые гости, в нашем королевстве. Тем, кто бесстрашен, предлагаю испытать удивительный аттракцион „Летающая карусель“. Её изобрел мой сын Алминас. Но честь её первого полета выпадет только тем, кто отважится на ней прокатиться, другим же посетителям нашего королевства я могу предложить посещение нашей картинной галереи».

Вперед выступил принц, он был высоким, красивым и золотоволосым юношей.

Принц, приложив руку к груди, поздоровался с нами. Сказал, что рад, что смог изобрести такую карусель, какой еще не видели люди. Но так как местные жители боятся всего нового, то он просит нас, если мы не боимся, конечно, опробовать полет на такой карусели.

Не подумайте, что нас заставляли прокатиться на этом чудном аттракционе. Был выбор у всех. Смелчаками оказались только двое – я и девушка с удивительными синими глазами. Остальные присутствующие не рискнули составить нам компанию.

Группа приехавших разделилась. Часть экскурсантов увел за собой король в палаты царские. Там, как сказал нам принц, было на что посмотреть и помимо картин. А мы втроем – девушка, принц и я – направились к карусели.

Вышли мы, пройдя весь городок по мощеным улочкам, почти в тишине, на широкую площадь. Оркестр играл в стороне замка. До нас доносились лишь отзвуки игры.

Площадь, уставленная огромными вазами с цветами, не была пустыня.

В центре её находилась та самая, изобретенная принцем Алминасом, карусель.

Внешний вид карусели был обычен. Кони, подогнув свои ноги, замерли на пьедестале помоста карусели в полете. На голове каждого коня была корона.

Рядом с каруселью носились мальчишки, увидев нас, они подошли к карусели ближе.

– Ну что же вы, – заговорили мальчишки, – будете проверять эту карусель? И не страшно вам? Ведь на ней еще никто не катался. А она уносит людей в небо, а вдруг вы упадете, разобьетесь?

Меня даже удивили такие разговоры, помню ведь, что мы в стране детства, и здесь все подстроено, что ли. Думаю, ну надо же как хорошо все придумали устроители. Все так правдоподобно.

И ответил им, сказав, что в лес бояться ходить те, кто волков боится. А мы бесстрашные.

И еще сказал им, что бояться нечего, это же только карусель. А в стране детства нет страха. И пригласил их пойти с нами. Но не увидел в их лицах готовности к полету.

Они отошли подальше от карусели на безопасное расстояние, но площадь не покинули.

Алминас, войдя на помост карусели, поманил нас к себе. Мы не без трепета вступили на возвышение.

Каждый выбрал себе коня. Девушка, её звали Миквилла, мы познакомились, пока добирались сюда, выбрала себе белоснежного скакуна. Я сел на черного как ночь, а принц выбрал коня рыжей масти.

Алминас, сказав, чтобы мы держались крепче, запустил механизм карусели.

Раздалась музыка, чарующая своим звучанием, кони закружили по кругу. Через несколько мгновений я почувствовал, что конь подо мной зафыркал, словно живой. Когда я прижался к его шее, я понял, что это не иллюзия, что конь и в самом деле ожил. Его огромные бока ходили ходуном под моими коленями. Когда я посмотрел на коня Миквиллы, то увидел, что и ее конь стал настоящим живым конем, так же, как и конь принца.

Я хотел помахать рукой мальчишкам, которые окружили карусель, когда мы заняли свои места на ней, но увидел, что нас окружают облака. Город с королевством на холме оказался под нами. Мы кружили над городом. Чем выше мы поднимались, тем шире был круг, который мы делали.

– Эге-гей! – закричал я в восторге.

– Эге-гей! – раздалось от принца и Миквиллы. Они смеялись. Мальчишки, ожидающие конца представления, кидали свои шапки вверх.

Музыка, зазвучавшая при включении карусели, не исчезла. Она лишь приобрела новое звучание. Казалось, что пело все небо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.